

С. М. Санькова

Дуэльный скандал как форма политического самопиара российских депутатов в начале XX века

Все это было бы смешно,
когда бы не было так грустно...

М. Ю. Лермонтов

При исследовании и выстраивании политической истории страны редкому историку удастся избежать соблазна попасть под обаяние рассматриваемой партии либо персоны. В результате невольно получается более привлекательный образ, чем он был в реальности. В период увлечения отечественной историографии российским либерализмом либеральные течения и их виднейшие представители зачастую подавались исследователями в позитивном ключе и рефреном звучала мысль: если бы правительство и общество прислушивались к либералам, то революционных катаклизмов начала XX в. России с большой долей вероятности удалось бы избежать. Затем политическая мода вызвала всплеск интереса к консервативной и даже националистической составляющей российской общественной жизни периода первых парламентов. И вновь наблюдалась та же тенденция в оценках: сожаление о том, что идеи были прекрасными, однако их оценили лишь немногие. Встает вопрос: если партийные лидеры и идеологи были сплошь честнейшими и умнейшими людьми и выдвигали очень правильные идеи о том,

***Санькова
Светлана
Михайловна***

*д-р ист. наук,
проф., Орловский
государственный
университет им.
И. С. Тургенева
(Орел, Россия)*

как далее следует развиваться государству, если радели только о благе родины и народа, то почему они не смогли договориться, а вместо этого раскачивали политическую лодку, допустив в результате общегосударственную катастрофу? Ведь речь идет не о простых гражданах, а о людях, наделенных государством определенными полномочиями и даже привилегиями перед остальным обществом. Для ответа на этот вопрос, видимо, назрела необходимость провести очередную ревизию оценок российской партийной системы и политических деятелей начала XX в.

Такая ревизия, по нашему мнению, представлена в работах А. А. Иванова. Начав с изучения думской деятельности правых в начале XX в.¹, а затем расширив исследование до их участия в деятельности обеих палат российского парламента², он всегда стремился к объективности. А. А. Иванов явно симпатизировал многим правым деятелям, но эти симпатии не мешали ему честно исследовать и освещать как положительные, так и негативные их стороны. Ярче всего это проявилось в его монографии, посвященной В. М. Пуришкевичу³. Не случайно А. А. Иванов вскоре взял на себя смелость провести исследование зарождения и развития в истории российской общественно-политической мысли одного из одиознейших лозунгов — «Россия для русских». И вновь из-под его пера вышла объективная работа, показавшая всю неоднозначность и контекста выдвижения этой идеи, и ее конкретно-исторического восприятия в разных условиях⁴. Логичным продолжением стремления к всесторонней объективности стала работа, посвященная одной из малоизвестных сторон деятельности российских депутатов начала XX в.⁵

Государственная дума, созданная в ходе Первой русской революции, была той политической площадкой, на которой русская общественная мысль смогла наконец открыто и организованно заявить о себе, вступив в продуктивную дискуссию с правительством. В обнародованном 6 августа 1905 г. Манифесте об учреждении Государственной думы к будущим избранникам были обращены слова: «Питаем уверенность, что избранные доверием всего населения люди, призываемые ныне к совместной законодательной работе с правительством, покажут себя пред всею Россией достойными того Царского доверия, коим они призваны к сему великому делу, и в полном согласии с прочими государственными установлениями и с властями, от нас поставленными, окажут Нам полезное и ревностное содействие в трудах наших на благо общей Нашей Матери России, к утверждению единства, безопасности и величия государства и народного порядка и благоденствия»⁶. Безусловно, наивно было требовать «утверждения единства» от представителей групп, разделенных по политическим и национальным интересам, на фоне революционных сотрясений. Однако Дума должна была стать определенным образцом общественного порядка и согласия именно для преодоления революции. Предполагалось, что это будет своеобразная площадка для словесных сражений, где представители различных парламентских групп, излагая свои взгляды в корректной дискуссии, смогут разрешать спорные моменты и находить решения, приемлемые для большинства депутатов. Парламентская трибуна должна была стать символическим воплощением борьбы и сражений, а не местом реальных баталий. Но

история показала, что за время своего существования Дума так и не сумела воспользоваться полученными возможностями и взять на себя роль организующего начала для общественных сил страны. Она не остановила русскую революцию, не предотвратила ни гибель монархии, ни собственный роспуск. Безусловно, на то были глобальные объективные причины, вызванные сложными историческими процессами, разворачивавшимися в стране, но при этом нужно учитывать и цепочку субъективных моментов, не позволивших Государственной думе занять ведущее место в сознании подавляющей части общества, а ее лидерам — стать общепризнанными авторитетами.

Взаимоотношения депутатов Государственной думы оказались в центре пристального внимания отечественной журналистики начала XX в. и чаще всего подавались читателю как череда скандальных высказываний или выходок. Скандалы стали объединяющим фактором успеха как для журналистов, их освещавших, так и для депутатов, в них участвовавших. Это был залог успеха и привлечения внимания, куда более важный для известности, чем просто участие в думских комиссиях и обсуждениях. Депутат, даже помимо своей воли оказавшийся втянутым в скандал, становился привлекательным объектом как для репортеров, так и для коллег, жаждавших популярности. В частности, показательны дуэльные скандалы с участием лидера кадетов П. Н. Милюкова, притом что он сам был «убежденным противником разрешения политических и личных конфликтов с помощью дуэли»⁷.

В определенном смысле депутатский корпус стал заложником информационного запроса именно на скандал, но часто заложничество это было добровольным, поскольку не каждый имел силу воли отказаться от возможности оказаться в центре внимания, совершив эксцентрическую выходку. Так, 23 февраля 1908 г. депутат В. М. Пуришкевич заявил, что на месте морского или военного министра он не принял бы приглашения от той думской комиссии, в состав которой входит П. Н. Милюков, ввиду того что тот «мерзавец и подлец». Председатель потребовал извинений перед Милюковым, Пуришкевич отказался и был отстранен от участия в работе Думы на десять заседаний. Получив право последнего слова, Пуришкевич обозвал оппонента вдобавок еще и трусом, не способным принять вызов, заявил, что предпочитает с удовольствием понести наказание за возможность «плюнуть в лицо члена Государственной думы Милюкова»⁸, и в результате его отстранили еще на пять заседаний. Безусловно, Пуришкевич являлся личностью неординарной, склонной к эпатажу, но он был далеко не одинок в использовании грубых, скандальных слов в адрес коллег. За удовольствие обозвать друг друга с думской трибуны и привлечь к себе внимание публики некоторые депутаты готовы были даже отказаться на время от участия в работе парламента (так как за оскорбление им грозило временное отстранение). Значит, не так уж они и дорожили этой будничной, не показной, но наиболее значимой частью работы парламента (работой в комиссиях и обсуждением новых законопроектов).

Особенно безответственными и мелочными выглядели действия депутатов, когда дело касалось дуэльных скандалов, которые были связаны с возможной гибелью одного из оппонентов и в которые вовлекались и сами участ-

ники, и их секунданты. Именно освещение дуэльных скандалов наиболее ярко раскрывало как авантюристическую безответственность депутатов, так и откровенный цинизм некоторых журналистов. Например, внепартийная газета И. Д. Сытина «Русское слово» в начале мая 1908 г., комментируя предстоящий поединок П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова, не без иронии писала: «[Поединок] заслонил собою все интересы думской жизни, все вопросы, все злобы дня. Конфликт, происшедший между лидерами двух главнейших думских партий, между двумя серьезными общественными силами, покрыл собою все происходившие до сих пор инциденты между отдельными депутатами. Каков бы ни был исход, он, несомненно, по всей своей обстановке имеет историческое значение для третьей Думы»⁹. Здесь очень точно обрисован информационный фон, который создавала для читателя пресса, комментировавшая период наиболее интенсивной работы дореволюционного российского парламента.

Сами по себе подобные скандалы были только незначительными эпизодами в деятельности того или иного отдельно взятого думского образования, поэтому не представляли особенного интереса для исследователей каждой отдельной партии. Но для читающих современников именно эти скандалы, а не программные документы характеризовали партии и их лидеров, создавали представление о думской полемике не как об отстаивании политических взглядов, а как о борьбе отдельных самолюбий. Избиратели видели, что люди, которым они отдали свои голоса, готовы были даже рисковать жизнью, но не за декларируемые интересы, а по мелким, несущественным поводам. В случае же с дуэльными скандалами под угрозу случайного вызова депутата-скандалиста ставилась жизнь другого народного избранника. Подобная социальная безответственность дискредитировала саму идею парламентаризма. В общественном понимании предназначение парламента состояло в том, чтобы координировать через выборных депутатов различные общественные и политические силы с целью возможного достижения согласия путем взаимных компромиссов и подчинения своих узких интересов воле большинства. Дуэль же представляла собой нечто прямо противоположное: пренебрежение как доверием избирателей, так и мнением коллег по парламентской работе ради удовлетворения собственного честолюбия. Возникла странная ситуация, когда люди, которых граждане наделили полномочиями для защиты общих интересов страны, внезапно готовы были пожертвовать доверием, руководствуясь субъективными мотивами и подвергая свою жизнь и жизнь другого парламентария смертельной опасности, чтобы после поединка вновь приступить к совместной работе в какой-либо думской комиссии.

Важно отметить, что А. А. Иванов не поддавался искушению представить думские скандалы и поединки как часть истории дуэлей в России. В самом деле, проводить параллели с дуэлями прошлого, связанными в том числе с именами А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, столь же кощунственно, как сравнивать поэзию последних со стихами Пуришкевича. Напротив, автор уже во введении солидаризируется со справедливым замечанием И. С. Розенталя о том, что новый век и новый институт — Государственная дума — привнесли в феномен дуэли нечто новое¹⁰. Это позволило Иванову не замкнуться в узкой

дуэльной теме, не вдаваться в тонкости и сравнения думских поединков со «старой доброй дуэлью», а уделить все внимание непосредственно дуэльным скандалам представителей различных партий.

Очевидно, этой же причиной вызван и отказ автора книги от сравнительного анализа дуэлей русских депутатов с дуэлями парламентариев других стран. В некотором смысле А. А. Иванов как историк справедливо игнорировал замечание корреспондента «Биржевых новостей» о том, что «парламентские дуэли бывают во всех странах»¹¹. Конечно, парламентарии других стран довольно часто вставали к барьеру, но это были «старые добрые дуэли», и если вокруг них и вспыхивали иногда скандалы, то постфактум, уже после случившегося события. В Британии дуэли постепенно отошли в прошлое к концу XIX в., хотя парламентские правила сохраняли традиционный запрет на целый ряд слов, которые могли бы оскорбить других членов парламента, под угрозой отстранения от заседания (эта традиция перешла и в русский парламент). В США заядлым дуэлянтом был президент Э. Джексон, но причины его дуэлей были далеки от политики и носили сугубо личный характер. В американском обществе своеобразной «прививкой от дуэлей» стали события поединка 1808 г., когда вице-президент США полковник А. Берн нанес смертельное ранение лидеру федеральной партии, сподвижнику Д. Вашингтона генералу А. Гамильтону. Негодование общества по поводу этой дуэли было таково, что не только стоило Берну политической карьеры, но и вынудило его спешно бежать из страны.

Активными дуэлянтами были немецкие политики, воспитанные в духе поединка со студенческих мензур. Канцлер Бисмарк только в первый год учебы в Геттингенском университете провел более двух десятков поединков и получил шрам на лице, но при попытке вызвать на дуэль своего политического противника профессора Р. Вирхова вынужден был забрать вызов, чтобы не оказаться в анекдотичной ситуации (профессор предложил «кулинарную дуэль» с отравленными продуктами).

Однако безусловными лидерами по участию в дуэлях были французские парламентарии. Впрочем, во французском обществе тоже была своеобразная «прививка от дуэлей» — убийство на поединке депутата Ф. Дюлонга членом палаты депутатов Т. Бюжо в 1831 г. Дуэль была вызвана оскорбительной репликой Дюлонга в адрес выступавшего Бюжо и отказом взять свои слова назад, хотя публичное оскорбление человека, прошедшего в наполеоновских войнах путь от рядового до полковника, не оставляло обидчику никакого шанса в поединке. Это убийство стоило Бюжо депутатского места, но он сделал военную карьеру в Алжире и дослужился до маршала. В начале XX в. видному французскому политику Ж. Клемансо приписывали более двух десятков дуэлей, в том числе с депутатом П. Деруледом, позднее стрелявшимся с Ж. Жоресом. Но, повторимся, дуэли европейских политиков оставались в рамках «старой доброй дуэли», а если о поединке становилось известно публике, то весь резонанс наступал уже постфактум.

Английский историк дуэлей Ричард Хоптон, проследивший это явление от «божьих судов» раннего Средневековья до XX в. и пытавшийся составить модель классической дуэли, независимую от конкретной страны (своего рода

«квинтэссенцию дуэли»), отмечал ряд следующих необходимых признаков. Дуэль происходила между людьми, хорошо знавшими и уважавшими друг друга, считавшимися равными друг другу, и отсюда нередкая просьба в составленном заранее завещании не привлекать соперника к ответственности в случае своей гибели. Поединок всегда должен был оставаться тайным для всех, кроме доверенных секундантов, и их тщательный выбор должен был эту тайну гарантировать¹². Поэтому, например, хотя некоторые и приписывали Клемансо двадцать две дуэли, никто не смог бы поручиться как за точность этого числа, так и за вызывавшие их мотивы. Характерно, что именно такой «классической дуэлью» и была первая дуэль с участием члена Первой Государственной думы, представителя польского коло графа М. Замойского и отставного гродненского гусара, корнета Можаровского. Дуэль проходила вдали от Петербурга, ее причины остались неизвестными, как остались неизвестными имена дамы, связанной с ней, и секундантов (даже инициалы соперника графа). Возможно, именно из-за «классичности» эта дуэль прошла совершенно не замеченной прессой, а значит, не вызвала никакого интереса в обществе и даже не оставила никакого следа в политической биографии Замойского.

Дуэли в Государственной думе были сродни средневековым рыцарским турнирам: с публичным вызовом на поединок, вниманием зрителей, восторгом прекрасных дам и трубадуров, с демонстрацией политических гербов и занесением герольдами подробностей в историю поединков. Если раннесредневековые «божьи суды» были лишь частью доказательной базы судебного процесса ввиду отсутствия достаточного количества улик, то рыцарский турнир, напротив, был важен сам по себе, торжественно публично обставлен; все участники находились в равном положении — они имели возможность спонтанно вызвать противника или быть вызванными. Если мы вернемся к зарубежному опыту парламентской дуэли, то увидим яркий образец такого поединка на примере «последней парламентской дуэли» во Франции, состоявшейся в апреле 1967 г. Во время дискуссии президент социалистической группы в Национальном собрании Г. Дефферр в грубой форме потребовал от депутата-голлиста Р. Ребьера замолчать, обозвав его при этом «придурком». На предложение Ребьера взять свои слова назад Дефферр ответил отказом, и обе стороны сошлись на необходимости поединка. Скандал немедленно привлек внимание прессы, тем более что дуэль была назначена накануне свадьбы Дефферра, а Ребьер, хотя и был на одиннадцать лет старше соперника, как оскорбленная сторона отказался от предложенной дуэли на пистолетах, выбрав рапиры, что только дополняло зрелищности предстоящему поединку. Несмотря на личное распоряжение де Голля, полиция проявила странное бездействие. На следующий день в саду Нёйи-сюр-Сен недалеко от Парижа состоялась дуэль при большом скоплении журналистов, зафиксированная многочисленными фото- и кинокамерами; Дефферр получил два укола в руку, после чего дуэль была прекращена¹³. Тем самым оба политика только увеличили свою популярность (Дефферр стал позднее министром внутренних дел, а Ребьер представлял Францию в ООН и Европарламенте), а кинохроника дуэли позволила каждому желающему

рассмотреть весь процесс поединка от приезда дуэлянтов до их отъезда при скоплении журналистов и любопытных.

Такая откровенная публичность, названная одним из журналистов «маскарадом», для европейцев была новинкой, но если мы обратимся к подробностям думских дуэлей начала века, то увидим, что русские парламентарии на целых полвека опередили своих французских коллег. Разницу между «старой доброй дуэлью» и поединком «в стиле модерн» прекрасно сформулировало «Утро России» в фельетоне «Сирано де Гучков», намекая на откровенно театральное бретерство А. И. Гучкова накануне выборов в IV Думу. В статье отмечалось, что для старой дуэли достаточно было «двух пылающих злобой сердец» и какого-либо оружия, а думским лидерам «для дуэли нужны, во-первых, оскорбления, во-вторых, широкая реклама, в-третьих, полдюжины автомобилей, затем десяток газетных репортеров, наконец, фотографический аппарат (еще лучше кинематограф) и, это главное, — полиция. Побольше полиции! Тогда получится дуэль в стиле Гучкова»¹⁴.

Полиция и в самом деле оказалась в двойственном положении. С одной стороны, она была призвана предотвращать незаконные действия дуэлянтов и, главным образом, их секундантов, которые организовывали будущее преступление; с другой — должна была учитывать их особый статус и, следовательно, ограничивать свои действия исключительно слежкой, предотвращая столкновение только в момент непосредственного поединка. Возникла парадоксальная ситуация, когда полиция должна была защищать депутатов от самих депутатов, вопреки их желанию, особенно когда депутат ради самопиара готов был неоднократно рисковать и своей жизнью, и жизнью других; такая опека полиции только добавляла ему веса в глазах общества. Не случайно С. В. Потресов с иронией описывал ситуацию, сложившуюся вокруг такого думского бретера, как А. И. Гучков: «Государство решило во что бы то ни стало сохранить жизнь почти государственному человеку, уберечь его от самого себя и не выпустить его из поля зрения, хотя бы пришлось полиции ездить по пятам за Александром Ивановичем в течение всей его жизни. Разумеется, такая охрана стоит денег, но народ наш совершенно достаточно богат для того, чтобы тратиться на охрану особы Александра Ивановича»¹⁵.

Эта ситуация, подмеченная Потресовым, высвечивает еще одну важную деталь: ряд депутатов позволяли себе демонстративные противоправные действия, потому что позиционировали себя как некую новую элиту, свободную от выполнения установленных для всех порядков. Правосудие своими действиями странным образом лишь подчеркивало эту исключительность, что прекрасно показал А. А. Иванов, подробно разбирая последствия парламентских дуэлей. Показателен суд над участниками дуэли между А. И. Гучковым и графом А. А. Уваровым, получившим легкое ранение, когда на скамье подсудимых оказались одновременно обе ветви российского парламента: пять членов Думы и один член Госсовета. Впрочем, для таких персон даже скамья подсудимых оказалась гипотетической, потому что подсудимые спокойно заняли места в зале вместе со своими адвокатами. И вопрос газеты «Свет» — «Как с ними поступит министр юстиции, как с простыми русскими гражданами, для которых

закон обязателен, или как с людьми, для которых закон не писан?»¹⁶ — тоже звучал скорее гипотетически, что и подтвердил приговор А. И. Гучкову (две недели в Петропавловской крепости в отдельном кабинете, из которых он провел там только неделю). При этом отбывать приговор, хотя и смехотворный, но по уголовной статье, отправлялся человек, выбранный своими коллегами председателем Государственной думы.

Подробности дуэльных скандалов А. И. Гучкова, представленные А. А. Ивановым, добавляют блестящие детали к политическому портрету этого деятеля и его коллег. Подобно тому как М. Н. Катков в свое время обвинил А. И. Герцена в том, что тот призывает российскую молодежь к террористическим актам, сам находясь в безопасности «за спиной лондонского полисмана», российских дореволюционных парламентариев-дуэлянтов можно справедливо упрекнуть в том, что они показывали всей стране пример беззаконных действий, разыгрывая свои «политические спектакли» не только безнаказанно, но и под защитой полиции. Подобные действия не могли не способствовать развитию в общественном сознании элементов правового нигилизма, тем более что события Первой русской революции и «ограбное движение», как его именовали правые, уже внесли значительный вклад в этот процесс. «Правовой компонент массового сознания», в свою очередь, служил «рациональным “спусковым механизмом” иррационального включения масс в политический процесс»¹⁷.

Откровенное манкирование законами, показательное бретерство, приуроченное к каждому нужному политическому моменту, критика правительства — все это происходило при активной опеке этого же самого правительства, создавая у фрондеров ощущение собственной значимости, популярности в обществе, и даже приносило реальные политические дивиденды. Так, известный своими несдержанными эмоциональными выступлениями кадет Ф. И. Родичев, спровоцировавший даже П. А. Столыпина вызвать его на дуэль (хотя тот дуэльных вызовов не принимал и от дуэлей отказывался)¹⁸, избирался в Думу всех четырех созывов. Выходит, что не все общество с осуждением смотрело на депутатов-дуэлянтов и депутатов-скандалистов. И прав был популярный фельетонист В. М. Дорошевич, называя в качестве «главных виновников» дуэли А. И. Гучкова и А. А. Уварова «общество, ради благосклонного мнения которого и старались оба законодателя»¹⁹.

Впрочем, дуэльный скандал как прием привлечения внимания публики тоже постепенно переставал работать. Не случайно А. А. Иванов приводит довольно пространную выдержку из социал-демократической газеты «Правда», посвященную дуэли А. И. Гучкова с жандармским полковником С. Н. Мясоедовым: «Что за шум, что за событие необычайной важности? Решалась судьба России, спасалось большое общественное дело? Ничего подобного — спасалась надежно подмоченная репутация лидера октябристов накануне выборов в Гос. Думу. Гучков за пять лет не сделал ни одного серьезного шага в Гос. Думе: он только управлял из-за дырявого занавеса худой игрой октябристских марионеток, но зато Гучков так часто вставал в позу, делал многозначительные жесты. Занимал место председателя Гос. Думы и демонстративно отказывался от него, уезжал на Дальний Восток, два раза дрался на дуэли. Но к жестам

и позам быстро привыкают, и они уже не производят должного впечатления, так и с А. И. Гучковым: все привыкли к его “политическим” выходкам, как привыкают к недостаткам человека. Увы, и новое “выступление” Гучкова не будет иметь успеха: пошумели газеты, поболтали “в обществе”, и “безрезультатный” выстрел не оставит никаких политических последствий, ни свои личные фонды, ни фонды октябристской партии Гучков этим не поднимет. Демократия же с улыбкой смотрит на эту барскую забаву с автомобилями, пистолетами, барьерами и секундантами»²⁰.

Отметим со своей стороны, что эта «барская забава» происходила спустя две недели после массового расстрела на Ленских приисках. И если, по определению «Правды», демократия смотрела на нее «с улыбкой», то парламентарии были крайне обеспокоены подобными скандалами и выступали против дуэлей. Газета «Биржевые ведомости» даже проводила анкетирование на предмет допустимости дуэлей, и большинство опрошенных выступили противниками поединков. А. А. Иванов пишет: «Группа крестьян-депутатов Государственной думы готовилась выступить в парламенте с заявлением о нетерпимости “дуэльного пыла”, так как угроза поединков, помимо прочего, представляла собою угрозу свободе депутатского слова. Категорически против дуэли выступило думское духовенство»²¹. Далее он приводит мнения архиепископа Антония (Храповицкого) и депутата Думы епископа Евлогия (Георгиевского) о недопустимости дуэлей, подчеркивая, что подобные мысли разделяли и другие представители не только православной, но и католической, и лютеранской церкви. Председатель вероисповедной думской комиссии октябрист П. В. Каменский, разделяя как христианин мнение противников дуэлей, все же вполне допускал исключения из этого правила. В целом депутаты так и не выработали единого мнения по данному вопросу. Так, кадет В. А. Маклаков не только не исключал возможности дуэли, но и выступал ее сторонником. Для кадета А. И. Шингарева, напротив, само сочетание слов «дуэлянт и законодатель» было очевидным ярким диссонансом, и он даже выступил с предложением о создании суда фракционных старшин, призванных поддерживать порядок. Однако проблема, как нам представляется, заключалась не столько в отношении парламентариев к дуэлям, сколько в отсутствии у них воли и законодательной мудрости для выхода из этого положения.

Позицию прессы можно легко понять: в условиях конкуренции освещение любого скандала было важным средством для привлечения внимания читателей, и естественно, общий «заговор молчания», лишавший скандалистов информационной поддержки, был практически недостижим. Сложнее понять позицию парламентариев, призванных к утверждению «народного порядка и благоденствия» и не способных сохранить их в собственных рядах хотя бы на время работы Думы. Наделенные законодательно полномочиями требовать отчета у министров, они не находили никакой возможности потребовать соблюдения порядка у самих же депутатов и даже выдвигали в председательское кресло людей, замешанных в противозаконных скандалах.

Тем более странными дуэльные скандалы представлялись русской публике. Можно было хоть как-то понять и объяснить депутатскую дуэль между

лидером правых Н. Е. Марковым и кадетом О. Я. Пергаментом в июне 1908 г. — людьми с разными политическими взглядами, готовыми рискнуть ради них своей жизнью. Многие репортеры, практически ни на минуту не оставлявшие дуэлянтов без внимания, в связи с этим даже не скрывали некоторого недовольства результатами поединка. Политические противники повели себя после обмена выстрелами в лучших традициях «старой доброй дуэли», пожали друг другу руки и отправились вместе в ресторан, где вместе со своими депутатами-секундантами дружно пили шампанское за общее дело и процветание России. Парадоксально, но в данном случае политическое противоборство превратилось в шумную демонстрацию депутатского единения.

Однако даже для сторонников дуэлей поединки А. И. Гучкова выглядели совершенно странными — как выбором противников, так и процессом проведения. За выпадами лидера октябристов против лидера кадетов П. Н. Милюкова, едва не переросшими в дуэль, слишком ярко прослеживалась борьба за первенство. Граф Уваров, раненый Гучковым на дуэли, многими воспринимался как человек более левых взглядов, чем сам Гучков. Для знатоков дуэлей было непростительно и то, что Гучков покинул место поединка, не подойдя к раненому и не осведомившись о его здоровье. Поведение на суде Гучкова, прибегнувшего к услугам защиты (Уваров отказался от защиты), также расценивалось неоднозначно. В. М. Дорошевич, намекая на купеческое происхождение Гучкова, заметил в своем фельетоне, что тот, потребовав от графа Уварова оплаты полным рублем, перед судом через своего поверенного желает «скидку»²². Дуэль А. И. Гучкова с С. Н. Мясоедовым также вызывала недоумение. Если Гучков был уверен во всех обвинениях, предъявленных жандармскому полковнику, то самим фактом вызова он их снимал, так как участие в поединке предполагало взаимное уважение участников. Еще более странным показался отказ пожать руку в знак примирения после обмена выстрелами, так как обычно в этом случае дуэлянты стреляли повторно (доходило до пяти выстрелов), иначе дуэль попросту теряла смысл. Не говоря уже о договоренности с прессой: когда после долгих, подчас детективных действий секундантов (они давали заведомо ложную информацию о месте и времени события, переодевались, меняли транспортные средства, чтобы оторваться от слежки журналистов и полиции), на месте дуэли появились заранее поставленные в известность Гучковым репортер «Биржевых новостей» и художник «Огонька». Иными словами, речь шла уже не просто об освещении события в прессе, а о представлении его в выгодном для Гучкова ракурсе.

К своей парламентской деятельности многие лидеры партий, включая Гучкова, относились так же, как к дуэлям. Их обуревало желание получить парламентские полномочия, а получив их, они переполнялись гордостью, не отдавая себе должного отчета в сложности и взвешенности парламентской работы. Думская трибуна виделась некоторым из них средством массовой информации, а не рабочим местом представителя страны, который должен был донести чаяния избирателей до верховной власти. Придя в Думу с революционных улиц, депутаты не смогли оставить революцию за порогом Таврического дворца. Сконцентрировавшись на критике правительства, они совершенно не

оценивали критически собственную деятельность и не осознавали, что скандальными заявлениями и действиями они дискредитируют саму идею парламентаризма в глазах общества и подрывают ту основу, без которой невозможно их существование. Выигранная ими дуэль с самодержавием закончилась очередным думским скандалом: все увидели, что свергнувшие монарха и сами оказались голыми.

Развернувшаяся в России Гражданская война вскоре показала, насколько эфемерными были амбиции думских вождей, насколько основательно они подорвали в обществе идеи парламентаризма. Распущенная Временным правительством в начале октября 1917 г. Государственная дума должна была передать парламентскую эстафету Всероссийскому учредительному собранию, но уже в ноябре 1917 г. оно было разогнано большевиками, не нуждавшимися в легитимации своей власти этим органом. В июне 1918 г. в Самаре был организован Комитет членов Учредительного собрания, позднее преобразованный в Съезд членов Учредительного собрания, который был распущен спустя пять месяцев в результате колчаковского переворота; члены его были арестованы. Спустя два года на заседании чрезвычайной следственной комиссии в январе 1920 г. А. В. Колчак заявил: «...если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного Собрания является их заслугой... это надо поставить им в плюс... и к правительству большевиков, и к Учредительному Собранию, которое было разогнано большевиками, отношение было отрицательное»²³.

Подводя итог размышлениям над книгой А. А. Иванова, отметим, что она, безусловно, дает новый богатый материал для анализа общественной жизни России в начале XX в. Эта работа позволяет более объективно рассматривать как ведущих политических деятелей, так и в целом партийную жизнь и межпартийную борьбу в указанный период. Главные герои книги — парламентарии — были призваны в Государственную думу для открытого обмена мнениями и диалога с властью, однако они не сумели выполнить свое предназначение и не превратились из партийных лидеров в движущую силу российского общества. В ряду прочих причин сложившейся ситуации можно указать и то, что российский парламент дискредитировал себя посредством дуэльных скандалов. Показанная А. А. Ивановым всеословность участников этих скандалов свидетельствует о том, что ряд депутатов воспринимал себя как «новую элиту» и стремился доказать это, используя традиции прежней аристократии, что подтверждается и мнениями современников, приводимыми в монографии.

Значимость исторического исследования определяется не только широкой источниковой базой и логичностью и достоверностью выводов, но и тем, способно ли оно будить дальнейшую научную мысль. Не сомневаемся в том, что монография А. А. Иванова даст возможность заинтересованным читателям найти в ней ассоциации, отличные от представленных в данной статье, и провести иные параллели в зависимости от сферы их научных интересов, что может вызвать к жизни целый ряд новых научных работ.

- ¹ Иванов А. А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006.
- ² Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.
- ³ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич — опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011.
- ⁴ Иванов А. А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016.
- ⁵ Иванов А. А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018.
- ⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 25: 1905 (1). СПб., 1908. С. 638.
- ⁷ Подробнее см.: Иванов А. А. Несостоявшиеся дуэли П. Н. Милюкова // Российская история. 2018. № 4. С. 128–142.
- ⁸ Иванов А. А. «Дело чести»... С. 145.
- ⁹ Приводится по: Там же. С. 179.
- ¹⁰ Приводится по: Там же. С. 9.
- ¹¹ Там же. С. 178.
- ¹² Хоптон Р. Дуэль. Всемирная история. М., 2010. С. 10.
- ¹³ Le Monde. 2017. 21 avril.
- ¹⁴ Приводится по: Иванов А. А. «Дело чести»... С. 462.
- ¹⁵ Приводится по: Там же. С. 449.
- ¹⁶ Там же. С. 292.
- ¹⁷ Марченя П. П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 года // История государства и права. 2010. № 19. С. 20.
- ¹⁸ Подробнее см.: Иванов А. А. Дуэльные злоключения Ф. И. Родичева // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 52–66.
- ¹⁹ Приводится по: Там же. С. 284.
- ²⁰ Иванов А. А. «Дело чести»... С. 464.
- ²¹ Там же. С. 452.
- ²² Приводится по: Там же. С. 293.
- ²³ Приводится по: Допрос Колчака. Л., 1925. С. 103.

Статья поступила в редакцию 24 июля 2018 г.

Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Санькова С. М. Дуэльный скандал как форма политического самопиара российских депутатов в начале XX века // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 262–275. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.116>
УДК 94(97) «1907/1917»

Аннотация: Статья посвящена размышлениям над книгой А. А. Иванова «“Дело чести”: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917)». Структура монографии Иванова, на первый взгляд, дает основание предполагать, что дуэльные скандалы были редкими эпизодами в истории первых российских государственных дум, однако ее содержание убедительно показывает: количество таких скандалов, а главное, их резонанс в обществе свидетельствуют о том, что это было одно из знаковых явлений. В статье особо отмечается, что данные скандалы не имели ничего общего с классическими образцами дуэлей, приводится сравнительный анализ русских «парламентских дуэлей» и дуэлей парламентариев европейских стран. Отдельное внимание уделено участию в дуэльных скандалах прессы, создававшей определенную рекламу депутатам-бретерам, что подталкивало их к продолжению подобного поведения. Это позволяет рассматривать дуэльные скандалы как одну из форм

политического самопиара, который становился самоцелью часто в ущерб партийным и государственным интересам. Как отмечается в монографии А. А. Иванова, дуэльный поединок был для гражданских лиц незаконным действием, к тому же осуждавшимся православной церковью. В результате складывалась ситуация, когда политики публично своими поступками учили общество не уважать мнение церкви и закон. Поведение полиции в данных конфликтах, также подробно описанное в монографии, дает основание утверждать, что ее попустительское безусловно вносило деструктивные элементы в общественное сознание, способствуя падению авторитета правоохранительных органов. В целом все стороны, принимавшие участие в думских дуэльных скандалах, вносили свой вклад в формирование такого явления, как правовой нигилизм, который, по мнению ряда историков, стал одной из важных составляющих революций 1917 г.

Ключевые слова: честь, дуэльный скандал, дуэли, депутаты, Государственная дума, думская монархия.

Сведения об авторе: Санькова С. М. — д-р ист. наук, проф., Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (Орел, Россия); s_sankova@mail.ru

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Россия, 302026, Орел, ул. Комсомольская, 95

FOR CITATION

Sankova S. M. 'The Duel as a Form of Political Publicity Stunt by Russian Deputies in the Early 20th Century', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 262–275. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.116> (In Russian)

Abstract: The article represents reflections on A. A. Ivanov's "A Case of Honor": *Deputies of the State Duma and Duel Scandals (1906–1917)* ("Delo chesti": *deputy Gosudarstvennoi dumy i duel'nye skandaly (1906–1917)*). The general structure of Ivanov's monograph may lead one to the conclusion that duel as scandals were rare episodes in the first Russian State Dumas, but a closer look at contents of the book reveals that such scandals were numerous, resonant, and quite characteristic of the time. Comparing Russian duels with those of European parliamentarians, the former had little in common with classical duels. The press was also involved in these scandals, giving wide publicity to dueling deputies and thus encouraging them to continue the practice. This suggests that duel scandals were a form of publicity stunts that often turned into the main goal of dueling deputies, to the detriment of state and party interests. As is noted in Ivanov's monograph, duels were illegal and condemned by the Orthodox Church. By taking part in duels, Russian parliamentarians publicly showed disrespect for law and church. According to the monograph, the police did little to prevent such conflicts, and this blasé attitude undermined the authority of law enforcement in public consciousness. Thus, all the parties involved in Duma duel scandals contributed to the development of legal nihilism, which became one of the foundations of the Revolution of 1917.

Keywords: matter of honor, duel scandal, duels, deputies, State Duma, дума монархия.

Author: Sankova S. M. — Dr. Sci. in History, Professor, I.S. Turgenyev Orel State University (Orel, Russia); s_sankova@mail.ru

I. S. Turgenyev Orel State University, 95, Komsomolskaya st., Orel, 302026, Russia

References:

- Hopton R. *Duel. Vsemirnaya istoriya* (Moscow, 2010).
 Ivanov A. A. "Delo chesti": *deputy Gosudarstvennoy dumy i duel'nye skandaly (1906–1917)* (St. Petersburg, 2018).
 Ivanov A. A. *Vladimir Purishkevich — opyt biografii pravogo politika (1870–1920)* (St. Petersburg, 2011).
 Ivanov A. A. *Vyzov natsionalizma: lozung "Rossiya dlya russkikh" v dorevolutsionnoy obshchestvennoy mysli* (St. Petersburg, 2016).
 Ivanov A. A. 'Duel'nye zloklucheniya F. I. Rodicheva', *Voprosy istorii*, no. 7, 2017.

-
- Ivanov A. A. 'Nesostoyavshiyesya dueli P. N. Milyukova', *Rossiyskaya istoriya*, no. 4, 2018.
- Ivanov A. A. *Posledniye zashchitniki monarkhii. Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoy dumy v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 — fevral 1917)* (St. Petersburg, 2006).
- Ivanov A. A. *Pravyye v rusском parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917)*. (Moscow — St. Petersburg, 2013).
- Marchenya P. P. 'Massovoye pravosoznaniye kak faktor russkoy revolyutsii 1917 goda', *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 19, 2010.

Received: July 24, 2018

Accepted: December 3, 2018